

УДК 39(470.6)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Маршенкулова Ф. А.

ФГБОУ «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова». Нальчик, Россия, e-mail: bsk@kbsu.ru

В статье дается анализ современного состояния исследований «женской истории» Северного Кавказа. Предлагается использование гендерного подхода в написании истории повседневности северокавказских традиционных обществ. Обозначаются некоторые проблемы в кавказской историографии, посвященной изучению женского статуса в традиционном обществе, связанные с устоявшимися стереотипами в оценке гендерных ролей и образов. Автор ставит ряд основных вопросов, способных раздвинуть границы исследования женской истории в кавказоведении, рассмотреть проблемы женщин в динамике исторического развития, в разнообразии ролей и образов, в процессе социальных и культурных трансформаций. Постановка проблем по изучению различных аспектов женского культурного пространства горняков иллюстрируется источниками литературного, архивного и полевого характера. Новые исследования и новые подходы к написанию «женской истории» горняки должны способствовать расширению исторического сознания и объективному знанию истории повседневности.

Ключевые слова: женское пространство, гендерные исследования, Северный Кавказ.

PROBLEMS OF WOMEN'S STUDIES IN CAUCASIAN HISTORIOGRAPHY

Marshenkulova F. A.

Kabardino-Balkarian State University. Nalchik, Russia, e-mail: bsk@kbsu.ru

The article analyzes the current state of research on "women's history" of the North Caucasus. It is proposed to use a gender perspective in the writing of the history of everyday life in traditional societies of the North Caucasus. Designates a problem in the Caucasian historiography devoted to the study of women's status in traditional society, associated with the stereotype of gender roles in assessing and images. The author raises a number of basic questions that can push the boundaries of the study of women's history in the Caucasian studies, consider the problems of women in the dynamics of historical development, in a variety of roles and, in the process of social and cultural transformations. Production problems on the study of various aspects of women's cultural space Highland illustrated literary sources, archival and field character. New research and new approaches to the writing of "women's history" Mountaineers should contribute to the expansion of historical consciousness and objective knowledge of the history of everyday life.

Keywords: women's studies, gender, North Caucasus.

В современной историографии возрастает интерес к микроистории, изучению человеческой реальности с точки зрения внутренних переживаний, трансформаций и рефлексии отдельных представителей общества. Использование в микроисторических исследованиях гендерной методологии позволяет произвести «не только экспертизу социально-исторических явлений с учетом фактора пола, но и изучение опосредованной отношениями полов социальной действительности, ее изменений в пространстве и во времени» [3, 277].

Одной из особенностей кавказоведения в целом является комплементарность в освещении истории и культуры кавказских народов. Если перейти непосредственно к женской повседневности, то горянка представляется в идеальном образе гордой, нарядной, утонченной девушки приятной наружности. Отступление от подобной модели

воспринимается неоднозначно. Следование же подобному статическому описанию препятствует исследованию северокавказских женщин в динамике исторического развития, в разнообразии ролей и образов, в процессе социальных и культурных трансформаций. Возникает множество вопросов, на которые невозможно ответить, имея статичную модель кавказской женщины. Необходимость комплексного изучения основных черт повседневной жизни женского населения Северного Кавказа уже отмечалась в работах М. Текуевой, которая на основе гендерного анализа истории и этнографии адыгов дала научное подтверждение значительного влияния женского фактора на формирование внутренней культуры, ментальности, этнического мировоззрения, обратила внимание на ранее не исследованные аспекты женской повседневности: ежедневным обязанностям в домохозяйстве, коммуникативным возможностям, степени участия в общественном производстве, гендерно-маркированным занятиям, их социальной сути, обозначила границы запретного и дозволенного в частной жизни и в социальных установках в виде общественно порицаемых поступков или поведения, принимаемого за норму [8; 9; 10].

Принимая подходы, предложенные в исследованиях М. Текуевой, мы предлагаем обозначить актуальные проблемы женских исследований кавказского традиционного социума по следующим аспектам. Первый аспект, который необходимо учитывать в подобном исследовании, это женские роли и их многообразие. Гендерные роли зависят не только от культуры, но и от исторической эпохи. И. С. Кон отметил, что традиционная система дифференциация половых ролей и связанных с ними стереотипов фемининности/маскулинности отличалась следующими характерными чертами: женские и мужские виды деятельности и личные качества отличались очень резко и казались полярными; эти различия освящались религией или ссылками на природу и представлялись нерушимыми; женские и мужские функции были не просто взаимодополнительными, но и иерархическими, женщине отводилась зависимая, подчиненная роль [7].

Кавказской женщине, как и представительнице любого другого этноса, свойственны были следующие основные роли: мать, жена, дочь, домохозяйка, рукодельница, дворянка, крестьянка, любовница, преступница и т. д. С помощью этих ролей мы имеем возможность изучения женщины, как субъекта повседневности, то есть создательницы того материального мира, в котором она существует и взаимодействует с окружающей реальностью. При изучении женских ролей необходимо учитывать уровень вариативности и альтернативности моделей женского поведения в различных ситуациях. Следует также отметить, что в гендерных исследованиях часто упускаются такие роли, как бабушка, подруга и воспитательница, мало внимания уделяется развитию девочек.

Вторым аспектом является существование женщины в коллективе, который может быть представлен в виде семьи, мужского окружения, девичьего круга, форм женского совместного быта. Здесь отдельное внимание хотелось бы уделить девичьему кругу. В отличие от мужских коллективов, в которых строже соблюдались сословные рамки, в женском коллективе, а именно в коллективе подруг не наблюдалось четкого сословного ограничения в общении. Это подтверждают материалы архивов. В частности, в «Деле об увозе дочери Гукетлова Каспотом Апшевым» говорится, что во время того, когда молодые люди проникли в саклю за девушкой, «она вместе с женою брата, унауткою Шипата Тлостанова, дочерью холопа Кушха и бывшею у них в гостях дочерью жителя Женокова аула спали в отдельной сакле» [12, Л. 1].

Третий аспект – личное пространство женщины и семантика предметов женского туалета. Этот аспект представляет наибольшую важность и интерес. Исходя из содержащихся в нарративных источниках описаний красоты и грациозности горянок, возможно изучение специфических женских способов и средств для поддержания культуры тела. Но обращение к этой стороне женского быта представляется наиболее сложным, поскольку личное пространство, связанное с интимной сферой жизни, традиционно не обсуждается с посторонними. Постановка проблемы изучения данного аспекта женской жизнедеятельности должна предполагать рассмотрение следующих вопросов: предметы личной гигиены, средства контрацепции, различные рецепты народной медицины, одежда и уход за ней, спальное место, места хранения личных вещей.

Четвертый аспект – формы женского существования вне домашнего пространства, куда входят полевые работы, праздничные и траурные мероприятия, поход за водой, стирка и купание на речке и т.д. Известны также и искусственные поводы для женских собраний. Именно о них рассказывала Маршенкулова Какуна 1936 г.р. «Очень много поводов мы находили для того, чтобы «отдохнуть» от своих мужей и домашних хлопот. Так, каждый год мы всей *хаблэ* (улицей) весной устраивали церемонию выкапывания картошки, во время которой мы готовили различные блюда из этой картошки и потом до вечера сидели, танцевали, пели, а наши мужья так и наблюдали за нами, желая примкнуть к нашей веселой компании, но мы их близко не подпускали. А зачем это все им, они могли услышать много сплетен и секретов, про которые им не надо было знать» [4].

Очень интересным аспектом женской повседневности также является женское творчество: золотошвейное искусство, шитье, плетение, сочинение девичьих песен, песен-плачей, игра на музыкальных инструментах и т. д. Известно, что изготовление одежды полностью доставалось женщинам. А этот процесс был длительным и трудоемким и сопровождался необходимостью владеть сразу несколькими видами прикладного творчества:

прядение, ткачество, вышивка и т. д. Так, Г.Ф. Клемм, ссылаясь и на своих предшественников, отмечает, что черкешенки изготавливают из жесткой козьей и коровьей шерсти своего рода сукно, также ткут очень красивые ковры. Делают толстые мужские пальто, бурки, изготовленные путем свойлачивания; имеется также вид толстых ковров, изготовленных тем же способом. Особенно искусны женщины в вышивке и в изготовлении галунов из серебряных нитей, которые они так часто используют в своей одежде. Девушки, особенно отличившиеся в этом деле, пожинают славу и приобретают известность» [6]. Схожие проявления женского творчества наблюдаются и на всей территории Кавказа.

Значительный вклад в развитие художественной культуры адыгов внесла такая деятельность, как прядение и ткачество. И то и другое понималось адыгами, как способы создания счастливой судьбы. На основе древнего ткачества у адыгов сложился такой вид прикладного искусства, как плетение циновки из болотной травы – рогоза Циновки изготавливали у многих народов, но у адыгов они имеют свой индивидуальный облик. У них золотистый (солнечный) цвет, с введением, в малых количествах, зеленоватого и коричневого, они украшены геометрическим орнаментом, состоящим из древних и обязательных элементов – ромба, креста, зигзага, треугольника и др. Располагаются они на фоне мелкой сетки и неразрывно связаны с культами, представляя собой древние символы солнца и плодородия. Примечательно, что циновки являлись обязательным атрибутом священных ритуалов похорон, молитв, жертвоприношений, и только во вторую очередь они выполняли декоративные и утилитарные функции. Ритуальные циновки хранились отдельно и повседневно не использовались. Глубочайшая вера в зависимость судьбы от тщательности и точности плетения отточила технологию этого вида прикладного искусства, впрочем, как и других, подняв их до высочайшего, художественного уровня [1].

Шестой аспект – женщина во внутрисемейных отношениях, как организатор домашнего быта, как невестка, жена, дочь, сосношница, хранительница семейного очага и т.д. Здесь необходимо отметить, что в семье обязанности делились не только между представителями разных полов, но и внутри половых групп в зависимости от статуса и возраста.

Как отмечает Ю.Ю. Карпов, в соответствии с биологическим и социальным возрастом располагались на том или ином удалении от хозяйки другие женщины дома, невестки. Старшая из них находилась возле хозяйки, помогала ей и была готова подменить ее или сменить. Остальные невестки в целом пребывали на периферии домашней среды, но являлись основными работницами за ее пределами, свободно перемещались в освоенном ими в ходе жизни, и главным образом в ходе семейной жизни, пространстве [5, 240]. Авторитет женщины в обществе зависел от ее личных качеств, возраста, сословной принадлежности и

бывал очень высоким, но почитания и приравнивания к пророку – крайней степени уважения, женщина все же не устаивалась в силу известной дихотомии мужского и женского [2].

Седьмой аспект – участие женщины в календарной, траурной и праздничной обрядности. Имеется множество свидетельств участия женщин в сезонных ритуалах: новый год, земледельческие праздники, обряды вызывания дождя, магические обряды.

Так, Е.М. Шиллинг, описывая религиозные верования и борьбу с ними на Северном Кавказе в 1930-х гг., отмечал: «С купанием Хацегуаше борются не только местные ячейки женотдела, но и муллы, которые считают этот обряд невыгодным для себя, грешащим против ислама. Все то, однако, не помешало женщинам шапсугского Красноалександровского аула в августе 1929 г. тряхнуть стариной и попытаться вызвать дождь при помощи Хацегуаше» [13].

В ряду основных общественных предназначений женщин должна быть названа их специфическая роль на похоронах и поминках. Ю.Ю. Карпов выдвигает версию о том, что женщины выполняли посреднические функции между живыми и мертвыми [5, 300].

Восьмой аспект, заслуживающий более пристального внимания – мотивы женского поведения, куда относятся необходимость руководства нормами адата, общественное регулирование поведения. Отдельно здесь можно рассмотреть и феномен женского страха перед общественным порицанием, сопоставимым с моральной смертью. В судебных делах XIX в., отложившихся в архивах, нередко встречаются свидетельства о женских преступлениях, совершенных из-за угрозы общественного осуждения. Например, известен случай, когда женщина прибегла к детоубийству, в целях скрыть позорную связь с двоюродным братом. В рапорте начальнику Нальчикского округа говорится: «30-го числа прошлого июня месяца, часов в шесть по полудни, частно я узнал, что жительница подведомственного мне селения девица Дзадзу Ходова 26 лет от роду, разрешилась от бремени и рожденного ею младенца истребила, вследствие чего, пригласив с собою в качестве понятых жителей сего селения Мамсыра Бориева, Ибрагима Османова, Касая Анжокова и сельского эфендия, с которыми я появился в доме Няго Ходова (брат обвиняемой), в котором живет девица, их застал с больной, которая на вопрос, где рожденный ею младенец объяснила, что она вовсе не была беременна, потому не могла вовсе разрешиться от бремени, но что клевета вероятно взведена на нее, потому что она состояла в любовной связи с живущим по соседству двоюродным братом Кайсыном Анжоковым, то есть сыном родного дяди ее (брата матери) [11, Л. 45].

Проявления девиантного поведения женщин, не вписывающиеся в идеальные традиционные представления, дают исследователю более полное представление о «норме» и

отклонении от нее, причинах и следствиях подобных действий. Так в протоколе от 4 апреля 1903 года, составленном старшиной Урусбиевского общества второго участка Нальчикского округа К. Баразбиевым, говорится: «Сего числа ко мне явилась жительница Урусбиевского общества девица Нальджус Кучукова-Урусбиева и заявила, что двоюродный брат ее Каншоби Урусбиев в 1901 году обольстил ее и с ним жила как с мужем до настоящего времени - негласно, и как в настоящее время она находится в положении беременности, даже скрывать не может, и родители ее выгнали из дома, и Каншоби Урусбиев стал скрываться и она осталась посмеянной без крова и куска хлеба, просит дать сему заявлению законный ход» [11, Л. 56]. Но необходимо здесь сделать оговорку, что подобное поведение наблюдалось крайне редко, и сам факт того, что пострадавшая девушка обратилась в судебные органы, является проявлением ее неординарности, бесстрашия перед общественными устоями и способности самостоятельно отстаивать свою честь.

Таким образом, следует констатировать, что, несмотря на наличие множества исследований в области культуры и быта народов Кавказа, в которых имеет место и описание положения женской части населения, их уклада жизни, внешности, имущественных прав и пр., все же остается целый спектр вопросов, которые требуют более детального изучения и новых интерпретаций. При оценке роли женщины в традиционном укладе кавказских народов сложились многочисленные штампы и стереотипы. Основной комплекс установок связан с эксплуатацией образа женственности, хрупкости, красоты и прочих качеств горянки, избегая огромного круга вопросов культурного пространства женщин в традиционном социуме со всем многообразием проблем и особенностей женского повседневного бытия. В советской историографии исходным для исследований «женского вопроса» стал тезис о «забитости» горянки, оставлявший за рамками интереса ученых значение женского фактора в формировании этнической ментальности и мировоззрения. Новые исследования и новые подходы к написанию «женской истории» горянки должны способствовать расширению исторического сознания и объективному знанию истории повседневности.

Список литературы

1. Асланова Л.А. Сакрально-культурные основы формирования традиционного адыгского орнамента: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2009. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sakralno-kultovye-osnovy-formirovaniya-traditsionnogo-adygskogo-ornamenta#ixzz3g0nYTHuD>.

2. Бабич И. Л. Женщина и миротворчество у кабардинцев // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен: материалы междунар. конференции. М., 1994.
3. Введение в гендерные исследования. Ч. I: учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.
4. Информатор: Маршенкулова Какуна, 1936 г.р., КБР, Баксанский район, с. п. Заюково.
5. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013.
6. Клемм Г.Ф. Культура и быт черкесов. Пер. с нем. Саранчиной Г.С., Составитель Б. Едыдж. Майкоп: Изд-во «Паштов З.В.», 2015.
7. Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 53-59.
8. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: Традиции и современность – Нальчик: Эль-Фа, 2006.
9. Текуева М.А. Мир интимных переживаний в традиционной культуре адыгов // Научная мысль Кавказа. 2007. № 3. С. 60-70.
10. Текуева М.А. Гендерный фактор в культуре народов Кавказа Гендерный фактор в культуре народов Кавказа // Вопросы культурологии. 2012. № 8. С. 37-43.
11. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 101. Л. 45.
12. ЦГА КБР.Ф. И-2. Оп.1. Д. 1792.
13. Шиллинг Е.М. Черкесы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л.,1931. Т.2. 1931.

Рецензенты:

Сабанчиев Х.А., д.и.н., доцент, профессор кафедры культурологии, этнологии и истории народов КБР, Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик.

Апажева Е.Х., д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик.